

П О Э З И Я

Евгений Феоктистов

На лезвии, на бритвенной строке
 Пляши, паяц, паясничай безбожно,
 Пока возможно,
 Сняв груз обуз, шататься налегке,
 Не опасаясь нападения с тыла,
 Подачки муз хватая на лету,
 Пока судьба не подвела черту.
 И к черту в лапы не препроводила,
 Зажав сухарик черствый в кулаке,
 Будь нем, как рыба, как могила:
 Замок на мыслях и на языке.

Послушай, бес, как плещется в груди
 Река времен, кровавая по цвету,
 Преображаясь в медленную Лету,
 Гол, как сокол, в волнение вод входи,
 Дрожа, как лист, притянутый к ответу.

Качайся в отраженьях наяву,
 Нырй на дно, за раковиной следом.
 Жемчужины словес, нацелив кий, душетом
 Вгоняя в лузу, мчись на рендеву
 С возлюбленной, которую зову
 Гражданкой Смертью, не кривя при этом
 Душой и не перечая естеству.

Ты прав, игрок, рискуя натошак,
 Ты прям, как шпиль, вонзающийся в небо.
 Сошлись на то, что бог не выдал хлеба
 Всеобщих благ, и значит, никому
 Нет дела до певца и до паяца.
 Нырря в ноль, он может не бояться,
 Что кануть в Лету запретят ему.

Трамвайных молний судорожный свет
 провел дугу по проволочным тропам,
 Прогрохотал по рельсам дом без дыма,
 и рокот замер возле остановки.

Но мертвая петля вернет обратно
 трамвайный дом, погонит вспять разлуку.
 Не надо спать: продремлешь остановку
 с названьем будничным: Сегодня.

Пугать не надо. Я вернусь обратно,
 вспять потеку, переупрямлю реки.
 Вернусь в сегодня. Как назвать его мне?
 Грядущим? Прошлым? Путаюсь в названьях.

Избитых слов словарь на верхней полке.
 Не дотянуться. Выросли деревья
 наречий наших, листьями дрожат.
 Их шум нестройный, многозначный шорох,
 многоязычно-зычный голос века
 льет воду лжи на мельницу мельченья,
 вгоняя в краску честную природу.

Люблю свободу бредить именами,
 бродить по временам без провожатых,
 века тасуя, вроде карт в колоде.
 Минутные прогулки на свободе,
 пока не заперт в клетку
 рассерженными стражами порядка,
 пока не вписан кротким счетоводом
 в графу расхода, в накладную праха.
 Пером прогресса правит парка-пряжа,
 осколки судеб вынуд из-под пресса.

х х х

Похож был Бах на бюргера по виду,
Но пересилив горе и обиду,
В готические легкие органа
Вдохнул он жизнь, лишённую обмана.

Не контрапункт иллюзиям правил —
Сам Саваоф мне к горлу нож приставил,
И слез не проглотить: наверное, ангина.
В том Бахов я виню: отца и сына.

Виню я духа музыки небесной.
Слетел со шпилья готики отвесной
Архангел Бах, сам Себастьян — владыка
Всей гаммы голосов: от шепота — до крика.